

О Ч Е М
Убийства, войны и геноцид
Г О В О Р Я Т
глазами
К О С Т И

судмедэксперта

К Л И А К О Ф Ф

антрополог-криминалист, судмедэксперт ООН

Криминалистика на пальцах. Как
судмедэксперты раскрывают преступления

Клиа Кофф

**О чем говорят кости.
Убийства, войны и геноцид
глазами судмедэксперта**

«ЭКСМО»

2004

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Coe)-44

Кофф К.

О чем говорят кости. Убийства, войны и геноцид глазами судмедэксперта / К. Кофф — «Эксмо», 2004 — (Криминалистика на пальцах. Как судмедэксперты раскрывают преступления)

ISBN 978-5-04-208083-8

Судмедэксперт с мировым именем исследует останки мирных жителей на местах военных конфликтов последних десятилетий: в Руанде, Косово, Боснии и Хорватии. Чтобы предъявить обвинения в геноциде и преступлениях против человечности, ООН нужно доказать, что найденные тела принадлежат мирным жителям. Для этого нужно ответить на два вопроса: кем были жертвы и как они были убиты. Единственные люди, которые могут ответить на эти вопросы, — это судебные антропологи. Одна из них — автор этой книги Клия Кофф. Всего в 23 года Клия Кофф отправилась в Руанду, попав в группу ученых, занимавшихся раскопками человеческих останков для изучения геноцида тутси. В дальнейшем ей придется изучать массовые захоронения в Боснии, Хорватии и Косово, и увиденное навсегда изменит ее. Ее книга — это наполовину мемуары, наполовину полевой дневник об увиденном: эксгумация почти пятисот тел из единственной могилы в Кибуе, Руанда; обнаружение связанных проволокой жертв резни в Сребренице в Боснии; раскопки в Косово на глазах родственников жертв и многое, многое другое. Рассказывая подчас душераздирающие подробности своей работы — адские условия труда, бюрократия ООН и столкновение с горем выживших, — Кофф наполняет свою историю огромным чувством надежды, человечности и справедливости. Она убеждена: несмотря на то что власти могут исказить версии случившегося, кости никогда не врут. «Красота и важность работы Кофф, а также ее страсть к своему делу, проявляются наиболее сильно, когда она склоняется у массовой могилы, распутывая конечности, очищая одежду от грязи и видя в этом ужасе человеческие истории... Захватывающая и стоящая внимания книга». — The Washington

Post Book World «Кофф знает, что кости умеют говорить, и просто позволяет останкам, которые она раскапывает, давать показания... Именно отчужденные описания, лишённые сенсационности или сентиментальности, придают такую силу ее книге». — Морин Корриган, литературный критик, доктор философии «Книга Клиа Кофф дает уникальное понимание как роли судебного антрополога, так и роли судебно-медицинской группы трибунала ООН... Тем не менее, несмотря на все судебно-медицинские детали, это личная история о глубоком чувстве связи с мертвыми и непоколебимом чувстве долга перед ними». — Sunday Times В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111-94(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-208083-8

© Кофф К., 2004

© Эксмо, 2004

Содержание

Предисловие	7
Часть первая	16
Глава 1	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Клиа Кофф
О чем говорят кости
Убийства, войны и геноцид
глазами судмедэксперта

Для искателей серебряных нитей...

Clea Koff

The Bone Woman: A Forensic Anthropologist's Search for Truth in the Mass Graves of
Rwanda, Bosnia, Croatia, and Kosovo

The Bone Woman © by Clea Koff, 2004

By agreement with Pontas Literary & Film Agency

© Дудов М.Б, перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Предисловие

9 января 1996 года, вторник, 10:30 утра. Здесь, на склоне холма в Руанде, я занимаюсь именно тем (внезапно!), чем хотела заниматься всегда. Осматриваюсь, оцениваю – будто хочу выстроить идеальный кадр. Взгляд вверх, *щелк*: банановые листья. Взгляд вниз, *щелк*: человеческий череп. Слева, *щелк*: опять банановые листья. Справа, *щелк*: маленький лесок. Прямо передо мной, *щелк*: пространство. Сажусь на крутом склоне, прямо посреди банановой рощи, подтянув колени, чтобы не съехать вниз. А вот лежащий у моих ног череп не смог удержаться – он скатился сюда с вершины холма, оставив наверху остальные части тела. Такое в буквальном смысле унижение перенес не только этот череп: вокруг меня множество костей. Их владельцы были убиты полтора года назад на этих холмах. С тех пор большинство потеряло головы. Я пытаюсь воссоединить черепа с телами. После этого появится шанс определить возраст, пол, телосложение и причину смерти, а может быть, даже восстановить их имена. Я осторожно наклоняюсь и «прислушиваюсь» к черепу. Он лежит лицом вниз, и я вижу только грубый рубец на затылочной области – удар чем-то большим и острым. Смотрю на следы раны – продавленная внутрь кость, V-образный в поперечнике разрез. Надоедливо зудящий комар садится на край раздробленной кости. «Там тебе нечего ловить, парень. Кровь давно утекла», – думаю я, прогоняя его прочь.

Череп лежит так, что видны зубы верхней челюсти. Их обладателя убили, когда у него как раз начинал прорезываться один из третьих моляров. Прямо перед отъездом в Руанду мне удалили зубы мудрости, и я задумчиво провела языком по свежим ямкам в деснах. Интересно, как быстро вы начинаете искать сходство между собственным телом и трупом, лежащим перед вами. Что это – сочувствие к его ужасной участи или же облегчение от того, что мы, в отличие от этого бедолаги, живы? Эти размышления прерывает моя коллега по воссоединению тел, Роксана. Вместе с фотографом Ральфом она появляется из зарослей справа от меня. Ральф должен зафиксировать точное местонахождение и положение черепа. Мы кладем рядом с черепом фотодоску – на ней высвечивается порядковый номер, дата и стрелка, указывающая на север. В тишине дважды щелкает «Никон».

Теперь череп можно трогать. Я поднимаю его и разворачиваю лицом к себе. И вот он прямо перед глазами: вижу жесткий и глубокий разрез, по диагонали пересекающий глазную впадину и переносицу. Удар размозил хрупкие кости, формирующие черты лица, создающие индивидуальность. Смотреть больно, я откладываю череп в сторону, берусь за блокнот с полевыми записями: в нем мы с Роксаной отмечаем состояние костей, число сохранившихся зубов, место обнаружения. Внеся все данные, мы кладем череп на то самое место, где его обнаружили, а затем поднимаемся по склону, пробираясь под низко висящими банановыми ветвями и стараясь не наступать на разбросанные повсюду выбеленные солнцем позвонки. Наверху нас ждет заросшая травой поляна, где валяются обрывки одежды. Сейчас наша задача – найти скелет нашего черепа. Расчистив лопатками траву, мы обнаруживаем под лохмотьями несколько костей, частично засыпанных землей, смытой с верхушки холма дождями. Может, это тело нашего черепа? Поиски продолжаются.

...Наши поиски продолжались с переменным успехом две недели. По склонам холма без усталости бродили четверо антропологов, занятых одним и тем же делом. Параллельно на гребне холма работали два археолога, пытавшиеся определить границы объекта, на который мы в итоге потратили два месяца: массового захоронения возле церкви в Кибуге.

* * *

Мне было двадцать три года, я входила в группу из шестнадцати археологов, антропологов, патологоанатомов и прозекторов, направленных в Кибве Международным уголовным трибуналом ООН по Руанде (МТР, International Criminal Tribunal for Rwanda, ICTR) после геноцида 1994 года. МТР был организован по прецеденту МТБЮ – Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии, который преследовал виновных в военных преступлениях и этнических чистках в Боснии и Герцеговине, Хорватии, а позднее и в Косово. МТР и МТБЮ примечательны тем, что это первые международные уголовные трибуналы, организованные со времен Нюрнбергского процесса, проходившего после Второй мировой войны. В 1995 году тогдашний главный прокурор МТР Ричард Голдстоун сделал необычное предложение. Он обратился к бостонской неправительственной организации (НПО) «Врачи за права человека» с просьбой собрать группу судебно-медицинских экспертов для исследования массовых захоронений. На тот момент МТР уже предъявил обвинения подозреваемым в этих убийствах.

Судья Голдстоун обратился по адресу. У «Врачей за права человека» была целая сеть профессионалов в области медицины, и ранее эта НПО уже предоставляла патологоанатомов для проведения вскрытий в ходе расследований по нарушениям прав человека в Израиле, в которых было замешано правительство. Трибунал также воспользовался услугами старшего научного эксперта ООН доктора Уильяма (Билла) Хаглунда, лично отобравшего специалистов для команды.

Когда мне позвонил Билл, я еще училась в аспирантуре на кафедре судебной антропологии Стэнфорда. Но мне уже давно не давала покоя мысль: я должна что-нибудь сделать, чтобы помочь остановить нарушения прав человека. Я думала, что эта цель станет более реальной, если все потенциальные убийцы узнают, что кости могут говорить. К счастью, о моей идее знали и коллеги в университете, так что когда Билл попросил судебного антрополога доктора Элисон Гэллоуэй порекомендовать ему студентов для миссии в Руанде, она, видимо, сообщила, что единственный известный ей человек на кафедре, знакомый с судебной антропологией и одновременно интересующийся расследованием нарушений прав человека, – это я.

Человека, который стал моим вдохновителем, звали Клайд Сноу. Я узнала о нем из книги «Свидетели из могилы: истории, которые поведали кости» (Witnesses from the Grave: The Stories Bones Tell). Эта работа рассказывает о созданной Сноу Аргентинской группе судебной антропологии (Equipo Argentino de Antropología Forense, EAAF). Сейчас EAAF – это всемирно известная экспертная организация, а в 1984 году они были всего только малоизвестной группой студентов-аспирантов, у которых хватило духа эксгумировать и попытаться идентифицировать останки аргентинцев, «исчезнувших» во времена военной хунты в 1970–1980-е. Когда я читала «Свидетелей из могилы», меня переполняло желание помочь им в работе, однако для начала требовалось приобрести необходимую квалификацию. Мне предстояло не только поступить в аспирантуру по судебной антропологии, но и доучиться оставшиеся три года моего курса антропологии в Стэнфорде.

Поступая в университет, я знала, что хочу изучать человеческие останки. На самом деле мне еще с детства страшно нравились разнообразные кости и старинные вещи (странновато, не правда ли?), я лишь решила сузить область своих интересов. Когда мне было семь, я подбирала тушки мертвых птиц на улице возле нашего дома в Лос-Анджелесе и хоронила их на маленьком кладбище. Спустя несколько лет, уже в гостях у моей кенийской семьи, я собирала выбеленные солнцем кости животных в Национальном парке Амбосели – под крики обезьян, сидевших прямо надо мной на деревьях. На следующий день я вернула все кости обратно, аккуратно все очистив. В тринадцать лет – мы жили тогда в Вашингтоне, округ Колумбия, –

я хоронила мертвых птиц в полиэтиленовых пакетах, а потом выкапывала – мне было любопытно, сколько нужно времени, чтобы трупы «превратились» в скелеты. Я отнесла несколько вонючих мешков своему учителю естествознания. И хотя мой презент его несколько шокировал, мы провели полное энтузиазма внеурочное исследование феномена смерти. Но в семнадцать, в последнем классе школы, мой выбор стал более определенным – остеология человека. Как-то на канале National Geographic я случайно увидела документальный фильм, в котором рассказывалось, как в Италии ученые находят в пепле вулкана Везувия останки людей, погибших почти две тысячи лет назад во время знаменитого извержения. Я была поражена, узнав, что по набору костей можно определить, кому они принадлежали, – например, молодой служанке, которой часто приходилось носить тяжести. Зачарованная, я смотрела фильм и поминутно делала заметки. Среди прочих была и такая: «Не забыть! Хочу изучать археологию в Стэнфорде».

Однако уже на следующий год я поняла, что просто исследовать древние кладбища мне неинтересно. Это понимание пришло прямо посреди раскопок, проводившихся по программе «Стэнфорд в Греции», которая долгие годы существовала под эгидой кафедры античной истории факультета гуманитарных и социальных наук Стэнфорда. На тех кладбищах люди были похоронены «нормально». Я же хотела исследовать тайные могилы, незахороненные останки жертв преступлений и тех, кто погиб случайно. Меня интересовали люди, убитые сравнительно недавно и чьи личности не были установлены. После знакомства со «Свидетелями из могилы» я знала, что этим занимаются судебные антропологи, а также что судебная экспертиза останков может помочь – и помогает! – привлечь убийц к ответственности.

Вся судебная антропология состоит из двух частей: что было до и что стало после. Судебные антропологи берут то, что осталось от человека после смерти, а затем исследуют, чтобы понять, что же происходило с ним до смерти – как задолго до смерти (*antemortem*), так и непосредственно перед смертью или в сам момент смерти (*perimortem*). Судебная антропология не только помогает правосудию установить личность, но также играет важную роль в расследованиях нарушений прав человека. Тело, нанесенные ему повреждения, может изобличить преступников даже тогда, когда они уверены, что заставили своих жертв замолчать навсегда. Эта сторона судебной антропологии вдохновляет меня больше всего, поскольку дает шанс «надрать задницу негодяям» в тот момент, когда они меньше всего этого ожидают.

Я думаю, мне так нравится судебная антропология потому, что я, еще будучи ребенком, хорошо знала, как выглядят и на чем основываются подавление и дискриминация людей. Мои родители Дэвид и Мсиндо – известные кинодокументалисты, в своих работах исследовавшие такие социальные проблемы, как колониализм и африканское сопротивление, израильско-палестинский конфликт, взаимодействие представителей различных рас и социальных классов в Британии. И они были не из тех родителей, что отправляют детей спать, когда хотят поспорить с друзьями о политике. Мой брат Кимера и я всегда были вместе со взрослыми. Мы узнали значения таких слов, как «люмпен-пролетариат», задолго до того, как посмотрели «Улицу Сезам».

Родители не боялись брать нас на съемки, и мы были полноценными участниками их проектов, а не просто туристами. Частые путешествия в таком юном возрасте (а также то обстоятельство, что телевизор нам разрешалось смотреть не часто) не то чтобы сформировали в нас сильное национальное самосознание. Не помогали в этом и родители (да и не смогли бы, даже если бы захотели): Дэвид провел многие годы за границами США, хотя он американец во втором поколении с польско-русскими корнями, а Мсиндо выросла в Британии, будучи наполовину танзанийкой, наполовину угандийкой. В общем, место национального самосознания у нас заняло самосознание семейное.

Единственный раз, когда родители не взяли нас с собой, случился из-за того, что одна бостонская телекомпания подвергла цензурным правкам их фильм «Черная Британника», и

родителям пришлось срочно лететь из Британии в США и решать эту проблему. И тут мы ощутили на себе, как сильно наша жизнь зависит от их работы: они уехали на полгода, а нас с Кимерой оставили в Норфолке, на свиноферме у друга. В свой шестой день рождения, страдая от разлуки с родителями, я вдруг остро почувствовала, что произошла какая-то большая несправедливость по отношению к их фильму, а значит, и по отношению к самим родителям, и ко всей нашей семье. Похожие чувства я испытала и несколько лет спустя, когда мое сердце сжималось от страха перед мыслью, что кто-то, облеченный властью, может снова разделить нашу семью по своей прихоти. Мы были в аэропорту Найроби, когда сотрудник паспортного контроля вдруг объявил, что хочет задержать мою маму, поскольку та родилась в Танзании, а ему не нравится политика танзанийского президента. Он приказал остальным членам семьи садиться в самолет и улетать без нее. В тот день мы едва не опоздали на рейс, а я прорыдала несколько часов, почти лишившись сознания. Мне тогда было всего девять, но я до сих пор помню ухмылку на лице офицера, наслаждавшегося властью над судьбами других людей.

Так что, когда восемь лет спустя я прочла ту книгу, «Свидетели из могилы», из которой узнала о существовании Аргентинской группы судебной антропологии, мое желание созрело: я поняла, что хочу заниматься именно тем, чем занимаются они. Для меня все решила одна фотография: выступление Клайда Сноу на процессе над государственными чиновниками, ответственными за похищения и убийства тысяч людей. Камера запечатлела момент, когда Сноу демонстрирует суду слайд с фотографией черепа одной из жертв – Лилианы Перерия. Устами Клайда эта молодая женщина поведала суду, что была убита выстрелом в затылок вскоре после рождения ребенка (он появился на свет уже после ее похищения). Ее останки стали вещественным доказательством, подтвердившим показания живых свидетелей. Убийцы на государственной службе были абсолютно уверены, что они – последние, с кем она говорила, но Клайд своей работой сумел заставить их задуматься о содеянном.

Самым большим шагом к моей мечте было поступление в магистратуру по судебной антропологии в Университете Аризоны. Университетская программа включала в себя изучение и применение остеологии человека в реальной судебной практике – по договоренности со службой судебно-медицинской экспертизы округа Пима студенты привлекались для исследования всех найденных неопознанных тел. Я вспоминаю свой первый день в университетской лаборатории идентификации тел: сложенные друг на друга картонные коробки с невострепованными скелетами, влажная камера с вытяжкой для отделения плоти от костей, фотокомната для проявки рентгеновских снимков челюсти... И кофейник, тихо булькающий на столике в дальнем углу. Выходя в тот день из лаборатории, я практически плакала от счастья. Я чувствовала, что нашла свое место. На моей программе, кроме меня, было еще восемь студентов, большинство уже проучились там несколько лет. Меня окружали опытные наставники, и самое главное, программой руководил доктор Уолт Биркби, один из виднейших американских судебных антропологов. Но его компетентность – не единственная причина, по которой мне хотелось не ударить в грязь лицом: лаборатория была его базой, а сам он – бывшим морпехом, с ежиком серо-стальных волос и отрывистым командным голосом. Мне не хотелось выяснять, что он делает со студентами, не соответствующими его стандартам.

К счастью, Уолт отнесся ко мне с симпатией. Думаю, отчасти из-за моего неподдельного интереса, а отчасти из-за того, что я быстро сменила статус кабинетного ученого на роль исследователя-практика – во многом благодаря моему стэнфордскому курсу остеологии человека. Впервые увидев в помещении судмедэкспертизы мертвое человеческое тело (покрытое, в отличие от скелета, плотью), я не испугалась. Я видела трупы и раньше (хоть и не так много), когда с товарищами по курсу остеологии в Стэнфорде ходила в анатомический класс, посмотреть, как проводят вскрытия студенты-медики. В то время я особо не интересовалась «свежими» телами с плотью, мне казалось, что мягкие ткани только мешают исследовать кости. Но те «учебные» трупы очень сильно отличались от первого тела, увиденного мной в просмотрной комнате

судмедэксперта. Труп женщины какое-то время пробыл в пустыне и успел подвергнуться значительной мумификации. Кожа так сильно загорела и задубела, что больше напоминала материал, из которого шьют баулы. Только небольшие участки на внутренней части бедер избежали палящего солнца. Первоначальный осмотр не выявил внешних повреждений, которые могли стать причиной смерти. «Похоже, здесь случай ПК ЧБ, – сказал Уолт и расшифровал: – Просто кончился чертов бензин».

Уолт влез на стремянку, чтобы сверху сфотографировать труп перед началом исследований, а я стала рассматривать другое тело, лежавшее в коробке на соседнем столе. Оно тоже принадлежало женщине. Она умерла в своем доме, тело обнаружили спустя несколько дней после смерти. Когда я взглянула на лицо покойной, мне показалось, что ее щеки шевелятся. «Не может быть», – подумала я и подошла ближе. Шевелились не только щеки, но и язык, реально проворачивавшийся в полуоткрытом рту. Причиной тому – опарыши, целый клубок белесых личинок. Они копошились, заставляя «ожить» мертвую плоть. Не знаю, что вызвало у меня большее отвращение: вид множества живых опарышей или эти шевеления мертвого тела. В помещении для вскрытий все сотрудники одеты в костюмы полной защиты, закрывающие, естественно, и нос, и рот, так что вы не поймете, что чувствует человек, пока он не скажет вам сам. Но от зрелища пиршества личинок мои глаза, должно быть, настолько расширились, что Тодд Фентон, один из старших учеников Уолта, тихо сказал: «Ты к этому привыкнешь». В это время Уолт уже спускался по стремянке, одновременно инструктируя и раздавая задания, касающиеся первого дела.

Независимо от степени разложения трупа судебный антрополог при проведении вскрытия должен провести ряд исследований: анализ строения отдельных костей для выяснения половой принадлежности и степени возрастных изменений, анализ элементов скелета, специфичных для разных популяций и указывающих на происхождение владельца образца, а также анализ костей, по которым можно оценить рост человека. Возраст мы обычно определяем, исследуя поверхность лобкового симфиза (лонное сочленение, соединение верхних ветвей тазовых костей), также оцениваем степень сращения эпифизов (концевых частей) длинных костей рук и ног и средней части ключичной кости. Исследуется и морфология (форма) концевых участков третьего и четвертого ребер в местах их сочленения с грудиной. Исследование зубов тоже помогает в определении возраста, поскольку их развитие происходит постепенно и коррелирует с биологическим возрастом. При определении пола у тела взрослого человека, в ситуации, когда отсутствуют внешние половые органы (или они подверглись слишком сильному разложению), объектами анализа выступают несколько костей: это все кости тазового пояса – их строение различается у мужчин и женщин; также исследуется череп и некоторые особенности длинных костей. Определение «расы», или происхождения, опять же производится исходя из интерпретации антропологом особенностей морфологии костей всего тела, помогает также исследование структуры зубов и волос. Для оценки роста тела производится измерение длины определенных длинных костей, затем полученные данные пересчитывают с помощью формулы, в которой учитывается также пол и расовая принадлежность тела.

Замечу, говоря «независимо от степени разложения трупа», я имею в виду, что даже если исследуется «свежее» тело (человек умер в этот же день), так или иначе приходится удалять скальпелем мягкие ткани с интересующих нас участков тела, чтобы добраться до кости. После того как кость обнажена, в дело идет пила «Страйкер» – этот инструмент с круглым лезвием, быстродвигающимся вперед и назад, не травмирует мягкие ткани, но хорошо пилит кости. «Страйкером» мы выпиливаем фрагмент кости для исследования. Нельзя резать или пилить как заблагорассудится: разработаны специальные методики и способы, позволяющие взять необходимый образец костной ткани с минимальным ущербом для окружающей плоти или кости. К примеру, если надо отделить от черепа верхнюю и нижнюю челюсти (проще говоря, рот) для последующей рентгенографии зубов, придется следовать определенному алгоритму

выпиливания, иначе можно повредить кончики корней зубов, находящиеся в полостях пазух верхней челюсти.

Не буду притворяться, моя первая встреча со «Страйкером» была достаточно нервной. Во-первых, пила довольно тяжелая, и, если хирургические перчатки влажные, она обязательно попытается выскользнуть из рук; во-вторых, если лезвие коснется жидкости (к примеру, крови, вытекшей в полость кишечника), то этой жидкостью будет забрызгано все вокруг. Вдобавок трудно убедить себя, что пила не травмирует тебя. Впрочем, меня подбодрила Энджи Хаксли, еще одна старшая ученица Уолта: «Ты сможешь, Клиа», – и вот пила в моих руках. Эти волшебные слова, а также здоровая рабочая атмосфера в судмедэкспертизе округа Пима действовали на меня самым ободряющим образом. Очень важно, что все вокруг сосредоточены на своей работе, а не пялятся на то, как ты пытаешься совладать со «Страйкером», что, надо сказать, посложнее, чем запихнуть кошку в таз с водой.

Согласно рабочему протоколу лаборатории, после отделения от тела интересующих нас костных элементов мы задокументировали их изъятие в службе судмедэксперта (для обеспечения сохранности) и перевезли образцы в университетскую лабораторию. После нескольких этапов влажной очистки, в ходе которой были удалены мягкие ткани и жиры, проводился антропологический анализ, полная рентгенография зубов и последующая обработка пленки в фотокомнате лаборатории. Затем мы должны были представить службе судмедэкспертизы округа отчет с нашими выводами. Затем мы ждали, пока судмедэкспертиза пришлет нам прижизненные рентгеновские снимки людей из базы пропавших без вести, параметры которых соответствуют нашему антропологическому отчету. Получив данные, Уолт проводил сравнительный анализ по особенностям зубов и корневой системы (наличие пломб, мостов, зубных протезов и т. д.), по результатам которого выносил вердикт: наш это случай или нет.

Моя личная точка зрения на исследование скелета в целях идентификации личности состоит в том, что антрополог должен стремиться получить и проанализировать как можно больший массив данных. Одно отдельное исследование, даже вполне релевантное, не может дать надежного результата. Я думаю, что судебные антропологи – это переводчики с языка костей, и здесь опыт – это залог максимальной точности перевода. Такой опыт приходит только в конце долгого пути, в котором вы изучаете множество архивных дел и лично участвуете под руководством опытного профессионала в исследовании большого объема образцов.

В то время, когда я набиралась опыта в лаборатории идентификации, я была убеждена, что расследования нарушений прав человека могут иметь гуманитарное, общечеловеческое измерение, только если речь идет о выходящих за рамки государственных границ случаях, о резонансных преступлениях. Однако один случай в Аризоне заставил меня пересмотреть взгляды. Я вспоминала эту историю в Руанде, она оказалась для меня очень полезна. Как-то к нам в лабораторию привезли из судмедэкспертизы набор зубов и костные образцы неопознанного трупа. Мы посоветовались и решили попробовать разобраться с этим делом до конца рабочего дня. У нас была на руках рабочая версия: прижизненные рентгенограммы зубов пропавшего без вести человека, чей труп, по предположению полиции, мы исследовали. Нам удалось установить возраст, пол, расовую принадлежность, рост, а также наличие некоторых физических аномалий. Затем мы провели рентгенографию зубов и сразу же обработали пленки в фотолаборатории. Когда Уолт сравнил свежие снимки с архивными рентгенограммами зубов пропавшего человека, все встало на свои места: полицейские не ошиблись. Это был наш случай. Труп принадлежал молодому мужчине, уже более года числившемуся в базе пропавших без вести.

Когда тот день подошел к концу, я собрала свою сумку и зашла пожелать Уолту спокойной ночи. Подойдя к высокому книжному шкафу, отгораживавшему его «кабинет» от рабочего помещения, я услышала, как он говорит по телефону с судебным медиком, занимавшимся

делом идентифицированного нами мужчины. Предстояло сообщить печальную новость семье погибшего.

– Скажи его родным, что на День благодарения он будет дома, – сказал Уолт, откидываясь на спинку стула. В интонации его голоса – обычно или строгой, или иронической – сейчас была гордость, гордость, которая тут же наполнила мое сердце, поскольку я тоже принимала участие в этом процессе. Наша работа выполнена: мы вернули человека его семье, близкого, кого они потеряли и вряд ли смогли бы найти и опознать без нашей помощи. Мне часто встречалась в литературе такая мысль: для семьи умершего врата печали не закрыты, пока не найдены его останки, даже если это не все тело, а лишь какая-то его часть.

Как я и предполагала еще до поступления в аспирантуру, работа с Уолтом в службе судмедэкспертизы оправдала самые мои смелые ожидания. Однако погружение с головой в настоящую работу, с реальными судебными делами, имело неожиданные побочные эффекты. Я превратилась в замкнутую домоседку, коротающую все свободные вечера за чтением старых британских детективов. Надо было как-то отвлекаться от того, с чем приходилось иметь дело каждый день на работе: тела умерших от передозировки в компании друзей (друзей настолько обдолбанных, что им не пришло в голову ничего лучше, чем просто выбросить мертвого друга в безлюдном месте), тела бывших жен (застреленных и избитых, да, именно в такой последовательности), тела нелегальных иммигрантов, умерших от обезвоживания в жаркой пустыне (где их бросили мошенники, которым несчастные заплатили за помощь в пересечении американо-мексиканской границы). Убийства, самоубийства, автокатастрофы, смерти на воде, смерти в горах и лесах, смерти, смерти, смерти...

В конце концов я стала бояться всего. Я жила одна, в жилом комплексе из сотен квартир, раскинувшимся на нескольких акрах земли у края пустыни. Я постоянно проверяла балконную дверь, желая удостовериться, что она закрыта. Я повесила прозрачную занавеску в душ, чтобы увидеть, не вломился ли кто-то. У меня был сосед, которого я редко видела, кажется, он работал продавцом, и иногда я чувствовала запах «разложения» из-под двери в его квартиру.

Как-то вечером, во время ужина, я включила телевизор посмотреть новости. В том выпуске репортер дал в эфир запись звонка в службу 911: женщина просила о помощи в момент, когда подвергалась нападению. Я вдруг поняла, что это та самая женщина, тело которой мы вместе с Уолтом осматривали буквально несколько часов назад в судмедэкспертизе. От Уолта требовалось определить последовательность, в которой были нанесены повреждения. Я помнила ее бритые ноги, помнила ее крашенные ногти, помнила, как после вскрытия выглядел изнутри ее череп с отверстиями от пуль... Но когда я услышала запись звонка, воспоминания вдруг перестали быть набором фактов, пунктами списка, которые бесстрастно перечисляешь. Я словно услышала голос кого-то, кого знала раньше. Знала уже умершим. Это привело меня в полный ужас.

В то самое время, когда я жила своими страхами, в далекой Руанде случился геноцид. Самое страшное произошло в апреле – июне 1994 года. Смотря телерепортажи, в которых массовая резня представлялась в основном как межплеменной конфликт, я уже знала достаточно, чтобы понимать, каково настоящее положение дел. Хотя журналисты не пытались вникнуть в происходящее, но телевизионная картинка говорила сама за себя. И я подумала: «Никто не хочет отправиться туда и провести опознание всех этих тел?» И так сложилось, что меньше чем через два года я сидела в самолете, который летел в Руанду.

Я была рада присоединиться к руандийской миссии – у меня теперь была возможность применить свои криминалистические навыки для расследования нарушений прав человека. Это именно та цель, о которой я мечтала и которой вдохновлялась многие годы. Поэтому меня не особо беспокоили мысли вроде «а если в Африке будет так же страшно, как в Аризоне?» Не пугала меня и перспектива того, что мы раскопаем там что-то, что разрушит мою психику, – в

конце концов, я была опытным, закаленным практикой специалистом. Мне не приходило тогда в голову, что я, пускай и хорошо разбираюсь в трупах, многого не знаю о жизни.

Излишне говорить, что, когда миссия закончила работу и я вернулась домой, стрелка моего внутреннего компаса смотрела уже совсем в другом направлении. Теперь я понимаю, что причиной перемен были, с одной стороны, определенные травмирующие события, а с другой – моя личная вовлеченность в произошедшее из-за сильной идентификации с руандийцами, ведь совсем неподалеку, в трех соседних странах, жили мои многочисленные родственники. Как бы то ни было, моя удовлетворенность от работы странным образом переплелась с различными неожиданными и весьма болезненными аспектами. Из этого переплетения в итоге родилось мое желание работать только в таких миссиях и не заниматься ничем другим.

Вначале я хотела разобраться, что я буду испытывать при смене места или объекта исследований, поэтому я отправилась в Руанду во второй раз, в том же 1996 году. Затем я решила понять, как на мою работу повлияет смена страны: я поехала в Боснию вместе с миссией Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии. Следующим шагом было участие в качестве основного эксперта миссии в работе судебно-медицинской группы ООН, исследовавшей захоронения в Хорватии и Косово. Я делала такие шаги столь часто, что работа в международных миссиях стала для меня «настоящей жизнью», более настоящей, чем все остальное. И я шла по этому пути достаточно долго, чтобы своими глазами увидеть, как развивается судебно-медицинская экспертиза на международном уровне и как это развитие меняет атмосферу в международном масштабе.

Что же касается моей каждодневной работы, проходившей среди захоронений и трупов, – я в итоге привыкла ко всему. В Руанде в одной братской могиле могли быть закопаны сотни тел, в основном женщины и дети, погибшие от тупых или колотых ран. В Боснии в одном захоронении обнаруживалось до двух сотен тел, в основном мужчины со связанными за спиной руками, погибшие от огнестрельных ранений (ОР). В Косово мы находили много групповых и семейных захоронений: где-то лежали погибшие от ОР, где-то – сожженные заживо.

Во время миссии в Косово я уже была весьма опытным специалистом и хорошо разбиралась в протоколах и тонкостях работы судебно-медицинских миссий международных трибуналов ООН. Но когда бы мне ни приходилось осматривать тела в морге (а это происходило каждый день) – среди погибших было много и молодых, и старых, – я вспоминала о Руанде. Сам морг очень сильно отличался от надувной палатки для вскрытий, которая была у нас в Руанде. Косовский морг представлял собой капитальное сооружение с водопроводом, электричеством и даже с вытяжными шкафами. Но тела, попадавшие в это здание, часто выглядели почти так же, как в Руанде: женщина средних лет с соской в руке (ее ребенка?), старик, одетый в три пары брюк, женщина с драгоценностями во внутреннем кармане. Так много людей, убитых выстрелами в спину и ягодицы, похожих на тех мертвых руандийцев со следами рубящих ударов на затылках. И там, и здесь это была история о пытавшихся убежать, спасти себя, но не сумевших этого сделать, – о людях, которых догнала жестокая смерть.

Тела, обнаруженные нами в Косово, остались после ухода из региона югославской полиции и национальной армии. Они ушли до нашего прибытия и не успели забрать с собой все трупы. На некоторых из найденных тел мы обнаружили специфические повреждения, указывающие на попытки преступников замести следы, уничтожить улики, свидетельствующие о насильственном характере смерти (что на самом деле совсем не просто сделать). Такое изменение образа поведения преступников было первым результатом проникновения криминалистики в международную повестку дня. И это был не единственный результат. Я пришла к пониманию, что в международном масштабе роль криминалистики состоит не только в том, что она помогает сдерживать преступную активность, предостерегая потенциальных убийц, но и в том, что она способствует налаживанию реальных контактов между «противоборствующими сторонами» уже после окончания межнациональных конфликтов. Криминалистика способна

помочь в установлении объективной истины о прошлом, рассказать, что и с кем произошло, что, в свою очередь, укрепляет отношения между людьми на локальном уровне. Несмотря на местные особенности – будь то религиозные, национальные или исторические, – разнящиеся от места к месту, к примеру от Руанды к Косово, мертвые везде призывают к нашей общей человеческой природе, роднящей всех людей мира.

Если бы кто-то спросил меня во время моей первой миссии в Руанде, в чем я вижу здесь свои карьерные цели, я бы ответила, что хочу дать слово людям – тем, кого заставили замолчать собственное правительство и армия, тем, кто был унижен самым необратимым способом – убит и тайно захоронен. С этой точки зрения моя работа в двух международных уголовных трибуналах ООН в качестве судебного эксперта кажется воплощением мечты, как бы шокирующе это ни звучало. Я остро почувствовала, что все делаю верно, уже в свой первый рабочий день в Руанде: я ползала на коленях по темной земле, подо мной был крутой сорокапятиградусный склон холма, сверху тяжелым пологом нависали банановые листья и спелые авокадо, а вокруг были разбросаны человеческие останки, которые мне нужно было помечать красными флажками. И так случилось, что у меня кончились все флажки. Той ночью я вернулась в свой номер и сделала в дневнике запись: «Мечта сбылась». И я продолжаю делать записи.⁰⁸

Часть первая Кибуе 6 января – 27 февраля 1996 года

6 апреля 1994 года самолет, в котором находился президент Руанды Жювеналь Хабияримана, был взорван ракетой в небе над Кигали. До сих пор доподлинно неизвестно, кто стоял за этим убийством, но большинство свидетельств указывает на экстремистские группы внутри политической партии самого президента. Не прошло и часа после падения обломков самолета, как президентская гвардия начала планомерное уничтожение людей, чьи имена заблаговременно – за несколько месяцев до теракта – были внесены в черные списки: от политических оппонентов президента до университетских профессоров и студентов. Убивали всех, до кого могли добраться: «простых» людей, членов семей оппозиционеров... Всех, кто был хоть как-то связан с противниками президента.

Всего за сто дней более 800 тысяч человек – а это примерно десятая часть населения Руанды – были истреблены. Не автоматическим оружием, а в основном мачете и дубинками, которыми солдаты, политики, полицейские и просто соседи орудовали под изрыгаемые радио людоедские призывы «Делать свою работу». Сутками напролет лилась ненависть из радиоприемников. Поскольку организаторы бойни ставили своей целью уничтожение определенных групп населения, пускай даже эти «группы» никогда не существовали, их действия были оценены как геноцид. Помимо прочего, за сто дней геноцида были изнасилованы порядка 70 тысяч женщин, а 350 тысяч детей стали свидетелями убийств членов своих семей. По решению Международного уголовного трибунала ООН по Руанде (МТР), первым местом совершения массовых убийств, куда была направлена для расследования группа экспертов-криминалистов, стал город Кибве, недалеко от западной границы страны.⁹⁸

Глава 1

Кровь давно утекла

Перелет из Калифорнии в Руанду занял двадцать четыре часа. Я сменила десять часовых поясов и успела дважды позавтракать на борту самолета, но одна вещь оставалась неизменной от взлета до посадки: мои мысли о церкви в Кибуе и о работе, которая меня ждала. Я знала немного, в основном хронологию геноцида: церковь расположена в городе Кибуе, находящемся в префектуре, или округе, Кибуе. За три месяца геноцида 1994 года только в этом округе погибло или пропало без вести почти 250 тысяч человек. Несколько тысяч было убито во время одного инцидента в церкви в Кибуе.

По словам немногих выживших местных, префект, или губернатор, Кибуе приказал своим жандармам направлять людей (которых он уже решил уничтожить) по двум адресам: церковь и стадион. Префект убеждал людей, что все это делается для их же безопасности, чтобы защитить от распространяющегося по стране насилия. Однако через две недели, когда в «безопасных зонах» скопилось достаточно людей, на них напали представители полиции и милиции. К подобной тактике прибегали геноцидарии по всей Руанде: собрать побольше людей в хорошо просматриваемом строении и на прилегающей к нему территории, чтобы все входы и выходы можно было легко контролировать, а затем убить их. Всех, без разбору. В руандийских церквях было убито больше людей, чем в любых других зданиях и местах Руанды. Некоторые священники пытались защищать искавших убежища, другие оставались безучастны, а кто-то даже помогал убийцам.

Организация «Африканские права» собрала показания свидетелей нападения на церковь в Кибуе и опубликовала их в виде отчета под названием «Смерть, отчаяние и непокорность». Читать этот отчет – словно слушать шепот выживших: резня началась в воскресенье, 17 апреля, на берегу озера Киву, в церкви, что возвышается над водой. Нападавшие перед штурмом бросили гранату – прямо в собравшихся там людей (их были сотни), – а затем начали стрелять по ним, сея ужас и смерть. Два года спустя в бетонном полу все еще можно было заметить воронку от взрыва и окаймляющие ее развороченные церковные скамьи. Нападавшие вошли в церковь через двухстворчатые деревянные двери главного входа. Вооруженные мачете, они принялись рубить всех, кто попадался им под руку. Сельскохозяйственное орудие отныне косило не урожай, а людей, и «жатва» была столь обильной, что нет никаких сомнений: эта резня была тщательно спланирована.

Бойня в церкви Кибуе, а также в соседних зданиях, где искали спасения более четырех тысяч человек, продолжалась еще несколько дней. Убийцы останавливались только затем, чтобы перекусить. Они применили слезоточивый газ... Казалось бы, распространенная практика, если бы не один нюанс, от которого волосы у меня встали дыбом: с помощью газа убийцы заставляли людей выдать себя. Притворявшиеся мертвыми заходились в кашле – и их тут же хладнокровно добивали. Наконец убийцы ушли – остались только бездыханные тела.

Жители Кибуе постепенно захоронили все трупы из церкви в общих могилах на берегу озера. Международный уголовный трибунал ООН по Руанде поставил нашей команде экспертов-криминалистов задачу: обнаружить могилы, эксгумировать и исследовать останки, чтобы определить общее число жертв, их возраст, пол, характер травм и причины смерти. Трибунал на тот момент уже предъявил обвинения подозреваемым в преступлениях против человечности, и полученные нами вещественные доказательства хотели использовать в суде как подтверждение слов свидетелей.

Когда бы я ни обращалась к рассказам выживших в Кибуе, чтение неизменно заканчивалось слезами. Это были очень тяжелые истории: пускай людям удавалось избежать страшной расправы, их не оставляло горе по убитым. Родители, дети, двоюродные братья и многочислен-

ные родственники – в английском даже нет слов, описывающих все эти степени родства. Читая эти отчеты перед самой посадкой самолета в Кигали, я пыталась скрыть слезы от сидевших рядом людей. В какой-то момент меня охватило отчаяние, и я спросила себя, а справлюсь ли я с этой работой на этом кладбище жертв геноцида? Но стоило мне покинуть самолет и сделать первые шаги по взлетно-посадочной полосе аэропорта Кигали, как все мои опасения рассеялись. Происходившее захватило меня полностью. В здании аэропорта многие лампы не горели, окна были изрешечены пулями или разбиты, и прохладный ночной воздух безо всяких преград проникал в помещение. Прямо у входа меня встретил сотрудник паспортного контроля. Он взял мой паспорт с визой и долго его изучал.

– Как вы можете быть студенткой и в то же время приезжать сюда на работу?

Я сказала, что приехала в составе команды антропологов.

– Кого?

Как он отнесется к тому, что я работаю на Трибунал?

– «Врачи за права человека», – нервно ответила я.

Его лицо посветлело:

– А! Конечно, конечно, проходите, пожалуйста.

Какое облегчение. Я спустилась за багажом. Конвейер был крошечным и вращался со скрипом, а сквозь откидные створки в стене можно было увидеть, как грузчики бросают чемоданы и сумки на ленту. Мои сумки нашлись сразу же, а вот моим коллегам Дину Бамберу и Дэвиду Дель Пино повезло меньше. В конце концов сами грузчики пробрались сквозь створки в стене и встали перед пассажирами, чей багаж потерялся, всем своим видом говоря: «Простите, но мы сделали все, что смогли».

Дин и Дэвид отправились за помощью, а я прошла вдоль сетчатого забора, отделяющего зону выдачи багажа от вестибюля, протиснулась сквозь толпу людей, дважды в неделю встречающих этот рейс, и наткнулась на Билла Хаглунда, нашего босса. Я узнала Билла, мы виделись пару лет назад на ежегодной конференции судебных антропологов в Неваде. В то время он просто купался в лучах славы, получив известность благодаря работе в качестве судмедэксперта в делах о серийных убийствах в Грин-Ривер, в Сиэтле, штат Вашингтон ¹. Однако большее впечатление на меня произвели отснятые им в Хорватии слайды. Хаглунд летал туда по заданию «Врачей за права человека». Они эксгумировали останки мирных хорватских сербов, убитых хорватской армией в 1991 году. И вот я вижу его в аэропорту Кигали, он такой же, каким я его запомнила: очки, галстук, шляпа и трехцветная бело-седо-русовая слегка всклокоченная борода. Знакомым мне торопливым и тихим голосом Билл немедленно начал вводить меня в курс дела. Рассказал о плане действий и маршруте группы, как на два дня в Кигали, так и на первые этапы миссии в Кибуе. Объем работы показался мне огромным – возможно, из-за суматошных объяснений, – но я была полна решимости преодолеть любые трудности. Меня впечатлило, что Билл сделал особый акцент на том, что еще ни одной группе судмедэкспертов не приходилось работать с захоронением таких размеров. Мы были первопроходцами, и нам многому предстояло научиться и ко многому привыкнуть.

Тем временем Дин и Дэвид договорились с Биллом, что он заберет их сумки через пару дней, когда прилетит следующий самолет, и мы наконец покинули здание аэропорта. Снаружи нас ждал Эндрю Томсон, координатор всего нашего проекта.

Мы уже въехали в город Кигали, а я все никак не могла в это поверить. Вы сразу чувствуете, что вы в Африке: воздух здесь свежий, а потом сладкий, очень сладкий, как жимолость. На холмах Кигали огоньками светились окна домов. Дорожное движение было в целом

---

¹ Речь идет о серии убийств, осуществленных Гэри Леоном Риджуэем. В период с 1982 по 1998 год Риджуэй осуществил 49 доказанных убийств девушек и женщин. Доказать его виновность удалось благодаря анализу ДНК. Приговоренный к 49 пожизненным срокам Риджуэй считается одним из самых известных серийных убийц в США.

хаотичным: водители не пользовались поворотниками, они просто рулили куда им вздумается, маневрируя и толкаясь в потоке. На улицах было много белых угловатых «Лендроверов» – таких же, как наш, только с черной эмблемой ООН на борту.

Мы заселились в отель «Кийову» и сразу поехали ужинать в бывший дипломатический квартал. Мягкая тропическая атмосфера этого места источала какую-то непривычную африканскую красоту, что-то вроде постколониального Беверли-Хиллз. В китайском ресторане мы встретили еще двоих человек, работавших в Международном трибунале (МТР). Из ресторана открывался вид на сад, раскинувшийся внизу на холме. Мне было очень комфортно быть там и тогда с моими коллегами. И я была счастлива находиться в Руанде. Я вернулась в Восточную Африку – место эпических по глубине и яркости воспоминаний моего детства.

На следующее утро я смогла осмотреться получше. Пригороды Кигали соответствовали моим воспоминаниям. Это были живописные места – зеленые холмы, опоясанные грунтовыми дорогами, окружали долины, заполненные маленькими домиками с красными крышами. Повсюду виднелись цветы, а контраст зеленой травы и оранжевой земли был таким же насыщенным и сияющим, как у Лоуренса Даррелла в его «Александрии». Даже территория вокруг нашего скромного отеля внушала благоговение: вьющиеся лианы с крупными лиловыми цветами, огромные, похожие на ястребов, птицы, свившие гнезда в деревьях. Через бинокль я рассматривала город и его окрестности, и вдруг перед окулярами вспорхнула стая птиц.

Следующие полтора дня мы провели в разъездах по городу, собирая по офисам Трибунала различное оборудование для эксгумации, чтобы доставить его машиной в Кибве. Дороги в центре Кигали были отличные, так что Билл мчал во весь опор. Его стиль вождения приводил меня в ступор. Я сидела сзади и старалась просто удержаться на сиденье. Иногда это удавалось, и, бросив взгляд в окно, я успевала отметить, что городские кварталы как будто бы нарисованы топографией холмов Кигали. Дороги были заполнены людьми, кто-то нес на голове глиняные горшки, кто-то поливал олеандры, растущие на разделительных полосах.

Штаб-квартира МТР располагалась в многоэтажке. Кондиционеры не спасали от жары и влажности. Именно там, в духоте, мы занялись распаковкой множества ящиков с оборудованием, которые прибыли в Кигали пару недель назад. В процессе стало ясно, что оборудование либо не слишком подходит для наших задач, либо попросту отсутствует. Офисные принадлежности и резиновые сапоги – это, конечно, хорошо, но вот хирургические перчатки были на три размера больше, чем нужно, слишком массивные скальпели с огромными лезвиями... Я даже начала сомневаться: может, нам по ошибке прислали оборудование для патологоанатомов-ветеринаров? Сетки для просеивания никуда не годились – слишком уж крупные ячейки, с такими мелкие кости не обнаружить. Впрочем, ничего изменить уже было нельзя. Нам оставалось только уповать на собственную изобретательность: вдруг уже в Кибве мы что-нибудь придумаем.

После позднего обеда в отеле «Меридиан» Билл попросил Дина, Дэвида и меня подумать, каковы наши цели как представителей «Врачей за права человека» и МТР. Он также напомнил, что в Кибве мы как судебные антропологи в первую очередь должны определить возраст и пол жертв, оценить характер повреждений, полученных в ходе самозащиты, и собрать данные о причинах смерти. Разговор получился несколько беспредметным, поскольку до эксгумации еще было далеко. Мы обсуждали скорее наши ожидания, с определенной академической отстраненностью – Билл даже спросил нас, какого рода изменения в костях мы можем предполагать у людей, регулярно переносящих на голове тяжелые грузы. Постепенно тема беседы все же вернулась к правам человека, в частности к праву на достойную жизнь. Дэвид рассказал нам, как однажды в Чили ему пришлось поднимать человеческие останки из шахты, когда он помогал работе чилийской группы судебной антропологии. Он несколько часов карабкался по веревке из шахты глубиной в 200 метров, постепенно, кость за костью, извлекая оттуда скелеты, а затем утешал родственников погибших, ждавших его прямо на краю той шахты. Хотя

этот разговор был самым интересным событием дня и проходил в комфортабельном отеле, я почувствовала, как холодок пробежал по моей спине.

Избавиться от этого ощущения не удалось даже во время ужина в открытом ресторане эфиопской кухни, спрятавшемся между другими домами на немощенной проселочной дороге. Неожиданно в ресторан вошли четверо мужчин, все в руандийской военной форме, правда, разного цвета. Все были с автоматами. Я не знала, чего ожидать: они пришли поужинать или кого-то арестовать? – но посетители отнеслись к происходящему спокойно. Солдаты осмотрелись, а потом просто ушли. То ли из-за стресса, то ли из-за смены часовых поясов, но я внезапно потеряла всякий аппетит. Дин с Дэвидом также почти не притронулись к еде. Нам оставалось лишь наблюдать за Биллом, энергично поглощавшим свой ужин. По пути в гостиницу Дэвид все же отметил:

– Ты так ничего и не поела... Ты осталась голодной, – и это не было вопросом.

Ночь прошла без сна – по вине поселившихся в моей комнате маленьких ящериц и звуков, которые они издавали, бегая по линолеуму, – а утром мы с Дином и Дэвидом поехали в штаб-квартиру представительства ООН за ооновскими удостоверениями и водительскими правами. Там мне довелось на себе ощутить смысл слов «международная организация» и соприкоснуться с печально известной бюрократией ООН. Штаб-квартира, расположившаяся в старом отеле «Амохоро», жужжала, как улей: через охраняемые ворота постоянно въезжали и выезжали машины, всюду сновали вооруженные военные со всего мира, по коридорам носились сотрудники, все – в щегольских ооновских голубых беретах.

Оставив наши удостоверения оформляться, мы с Дином и Дэвидом пошли за угол здания, в транспортный офис, где выдавались водительские права. Экзамен на получение прав исчерпывался тем, что надо было проехать вперед по улице, затем обогнуть кольцевую развязку и вернуться обратно. Все мы благополучно справились с заданием. Экзаменатор провел для нас инструктаж по правилам вождения автомобилей ООН, хотя большую часть времени заняли его жалобы на многочисленных нарушителей, к которым он, судя по всему, причислил и нас.

Вообще, если говорить серьезно, удостоверение ООН и водительские права были нам жизненно необходимы: они гарантировали дипломатический иммунитет, свободу перемещения, защиту от личного досмотра и досмотра автомобиля. Нам полагалось носить документы на цепочке на шее. Получив наконец свежезаламинированные карточки, которые тут же прилипли к вспотевшей коже, мы вернулись на базу Трибунала. Мы погрузили в «Лендровер» и прицеп все имевшееся у нас оборудование. Пора в путь. Поскольку Биллу нужно было остаться на какое-то время в Кигали, он попросил двух следователей МТР Дэна и Фила сопровождать нас. Хотя Кибве находится всего в девяноста километрах к западу от столицы, поездка заняла четыре часа: многочисленные блокпосты Патриотической армии Руанды (ПАР) и ремонтные работы сделали свое дело.

Свои первые впечатления от Руанды за пределами Кигали я получала под музыку группы «Абба» – именно она играла в нашей машине. Первые минут сорок наш путь пролегал по асфальту, затем были три часа более или менее ровной грунтовки, а закончилось все посреди грязи и выбоин, так что сидевшие сзади то и дело подпрыгивали на своих местах. Несмотря ни на что, я чувствовала удивительную легкость и волнение внутри – предвкушала будущие открытия – и, кажется, почти не моргала и все никак не могла сдержать легкую улыбку. Пейзаж лишь усиливал мои чувства: Восточная Африка пробудила внутри благодарные воспоминания о родителях, и я была счастлива снова видеть местных жителей, чья гордая осанка вызывала у меня желание выпрямиться. За окнами машины все было наполнено величественной красотой: по мере приближения к цели нашего путешествия местность постепенно менялась от более равнинной возле Кигали к более гористой на западе, в районе Кибве. Холмы были заняты где под чайные, где – под банановые, а где – под кофейные плантации, одна панорама сменялась другой в калейдоскопе лоскутных склонов, усеянных хижинами с соломенными крышами и

домами из необожженного кирпича. По дорогам шли люди – из одной деревни в другую, – с горшками и припасами на головах и младенцами на спинах. Дети махали нам, когда мы проезжали мимо.

У каждого города стоял блокпост, и на каждом нам приходилось останавливаться. Из маленького строения обычно выходил молодой солдат, просил сдать назад, или заглушить мотор, или что-то еще. Затем он подходил к машине и проверял документы, спрашивая по-французски, куда мы едем, откуда приехали и чем занимаемся. Спустя несколько напряженных минут солдат, видимо, решал, что с нас достаточно, приказывал своему напарнику сбросить на землю веревку, служившую импровизированным шлагбаумом, и отпускал нас.

* * *

Озеро Киву поражало воображение. Дорога спускалась с горы, проходила у самой кромки воды, а после вновь убегала наверх, и так до самого города Кибве – настоящие американские горки. Церковь в Кибве оказалась совсем не такой, какой я ее представляла. Позже, узнав страну получше, я поняла, что это типичный образец римско-католической архитектуры в Руанде. Здание было воздвигнуто еще в 1960-е годы бельгийскими священниками: высокое и объемное, с каменной отделкой, витражами и колокольной. Отчеты свидетелей не давали истинного представления об ее изолированности: с дороги церковь смотрелась как одинокое здание на возвышении среди небольшого полуострова, вдающегося в озеро Киву, добраться до которого можно только по воде или единственной дороге.

Проехав мимо церкви, мы отправились к базе миротворцев ООН в отеле «Иден Рок», где оставили оборудование, а затем продолжили путь к гостевому комплексу «Кибве». От основного здания с вестибюлем, рестораном, кухней и верандой с видом на озеро бежали гравийные дорожки к девяти (или десяти) круглым хижинам с соломенными крышами. Возле каждой хижины была разбита лужайка с настурциями. Обстановка казалась идиллической – до геноцида комплекс был популярным курортом у любителей водных лыж. Я никогда раньше не бывала в подобных местах, и меня поразила его природная роскошь: пальмы и сосны среди сочной травы (подстриженной вручную чем-то вроде панги, мачете с несколькими лезвиями), небольшой пляж и плеск озерных волн...

Как только наш десант из Кигали достиг гостиницы, нас вышли поприветствовать пятеро коллег. Ральф Хартли, Мелисса Коннор и ее муж Дуг Скотт – все трое из Археологического центра Службы национальных парков Среднего Запада США в Небраске – приехали в Кибве около месяца назад и занимались картографированием территории вокруг церкви. Четвертой была Роксана Ферлини Тиммс, антрополог из Коста-Рики. К ее персоне я отнеслась с особым любопытством, поскольку Билл был уверен, что именно с ней мы сможем поладить. Она приехала несколько дней назад вместе с пятым нашим коллегой – Стефаном Шмиттом, одним из основателей Гватемальской группы судебной антропологии. Все произвели прекрасное впечатление, особенно Ральф: без лишнего шума, вопросов и ожидания благодарности он просто взял и отнес мои чудовищно тяжелые чемоданы в номер. Гостевые хижины были разделены стеной на два полукруглых номера, каждый со своим санузелом. Удобства оставляли желать лучшего – душ не работал, в туалете отсутствовал бачок, воды постоянно не было, – но я полюбила это жилище за стеклянные французские двери, сквозь которые было видно озеро. Были там и узкая кровать, шезлонг с откидной спинкой, письменный стол со стулом и запирающийся шкаф.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.